

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1523-1532
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1523

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Evolution of the Military Oath in Russia in the XVIII century

Tatiana A. Volodina ^{a,*}

^aTula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the change in the textual content of the military oath in Russia in the XVIII century, as well as the evolution of meanings, practices and rituals of taking this oath. Considerable attention is also paid to identifying the factors that influenced the military oath in pre-Petrine times. The main sources for the study are normative legal acts that defined the text and procedure for taking the oath; as well as archival documents reflecting the realities of the phenomenon of the oath in the life of the army. The author traces the influence on institutionalizing the military oath of the “Landsknecht factor” – foreigners recruited for military service who were hired by “capitulations”. The article emphasizes that the institutionalization and consolidation of the corporate character of the military oath under Peter the Great were dictated by the realities of the regular army, which is actively fighting. The author concludes that the zigzags in the evolution of the military oath during the XVIII century were due to two factors: firstly, the political upheavals of the era of palace coups, and secondly, the general “russification” of the army, the process of such russification was imperial in nature and led to a change in the position of foreigners in the Russian army.

Keywords: Russian army, state oath, military oath, military corporation.

1. Введение

Современные исследователи в области лингвистики и культурологии проявляют глубокий интерес к анализу перформативов (Остин, 1986: 22-129). Под этим ученым термином понимается такое высказывание, которое «переделывает» человека, произносящего некие утвержденные слова в соответствующей обстановке. Перформатив сам по себе имеет характер действия, ибо изменяет статус говорящего и включает его в систему новых социальных связей. Клятва, благословение, присяга, ответ «да» из уст лица, вступающего в брак, – все это можно отнести к перформативам. Итальянский историк Паоло Проди в 1990-е гг. обратился к историческому анализу присяги как важнейшего политико-религиозного феномена. Интерес этот был связан с острым беспокойством о судьбе современного мира. Отмечая необратимый упадок присяги и превращение ее в некий декоративный артефакт прошлого, Проди предупреждал о «кризисе, в котором на карту поставлено само существование человека как политического существа». «Сейчас мы переживаем переход, – писал Проди, – от «смерти за Родину» (последняя метаморфоза клятвы тех поколений, что пережили и приняли коллективные жертвы двух последних мировых войн) к новым способам политической ассоциации, которые больше похожи на отношения кондоминиума (обусловленные только уважением индивидуального благополучия и правилами использования общих услуг)» [перевод наш – Авт.] (Prodi, 1992: 11).

2. Материалы и методы

Темой данной статьи является анализ практик, смыслов и процессов формирования воинской присяги в русской армии имперского периода XVIII в. Методологическая база работы основана на

* Corresponding author

E-mail addresses: volodina.tatiana2016@yandex.ru (T.A. Volodina)

применении историко-антропологического подхода. Присяга рассматривается как когнитивно-коммуникативный феномен. Главный коммуникативный смысл присяги — доверие адресата (того, кому присяга приносится) к присягающему. Присяга предполагает искренность со стороны адресанта (того, кто присягает) в его помыслах, словах и делах относительно того круга обязательств, которые сформулированы в тексте присяги. Доверие со стороны адресата обеспечивается тем фактом, что адресант готов к каре, проклятию и наказанию в случае лживой присяги или ее нарушения.

Исследование основано на нескольких группах источников. В первую очередь, это нормативные акты, которые устанавливали определенный формуляр присяги. Анализ текста позволяет выявить и проанализировать эволюцию того круга обязательств, который власть устанавливала между адресатом и адресантом присяги. Вторую группу источников составляют архивные документы, раскрывающие практику принятия присяги военными (РГВИА. Ф. 495. Оп. 1; РГВИА. Ф. 2583. Оп. 3. Д. 268; РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1648). В них содержатся материалы о приглашении иностранцев на военную службу в России, присяжные листы различных воинских частей, розыскные дела о случаях отказа от присяги. Анализ этих источников дает возможность выявить соотношение норм, установленных законодательством, и реалий применения этих норм в жизни армии. Третья группа источников представлена источниками личного происхождения. Мемуары, дневники и письма позволяют увидеть восприятие присяги непосредственными акторами процесса.

Глубокое изучение источников и архивных материалов позволяет уточнить наши представления о развитии смыслового наполнения присяги в жизни армии в XVIII столетии.

3. Обсуждение

До недавнего времени отечественные исследователи практически не обращались к изучению присяги как феномена государства нового времени. Лишь в последние годы появились статьи лингвистов, культурологов и историков, посвященные этому явлению. Однако их интерес направлен, в первую очередь, на смысл и содержание государственной присяги, а значит, на превращение присяги в политический институт государства (Королева, 2020; Воронин, Кодинцев, 2024; Савченко, 2013). Что касается военной присяги, то в большинстве работ она рассматривается как инструмент патриотического воспитания войск. При этом общим местом являются повторяющиеся утверждения, что воинская присяга как традиция уже существовала при Алексее Михайловиче, но институционально и текстуально она была сформулирована при Петре I и с тех пор употреблялась в армии вплоть до 1917 года, блестяще справляясь с задачей поддержания высокого морального духа. Во всем этом как бы не видится научной проблематики. Гораздо больше исследователей интересуют изменения в смыслах и содержании военной присяги в связи с политическими потрясениями XX века (Бенда, 2009; Гагкуев, Шилова, 2016; Кормина, 2004; Чесноков, 2019).

4. Результаты

Если исходить из когнитивно-коммуникативного понимания сущности присяги, то мы должны логически выделить специфику именно воинской присяги. Присяга, которая проходила процесс институционализации на протяжении XVII в., формировалась, в первую очередь, как государственная присяга. В главных своих смыслах это была присяга в верности всех подданных (а не только военных) своему государю. Приоритетами были лояльность и послушание действующему государю: «служить и прямить во всем, и всякого добра хотети без всякой хитрости, и быть в нашем повелении» (ПСЗРИ I. №69, 619, 932; Три чина, 1654: 16). Конечно, в некоторых текстах мы можем найти военную компоненту, но она, составляя небольшой фрагмент, как бы «пристегивается» к основной части текста. По смыслу этот фрагмент может быть применим лишь к служилым людям, от подданных вообще воевать не требуется. Традиционно эта часть текста выглядит как устойчивая формула: на тех, кто был в «государевой службе», возлагалось обязательство «с крымскими, с нагайскими, с литовскими и с немецкими людьми битися, не щадя головы своей, до смерти» и рядом — требование не дезертировать («из полков без государева указу не съезжать, и города не сдать, и в полках воевод не покинуть») (Древняя российская вивлиофика, 1789: 61-62, 69-70; ПСЗРИ I. №69). Даже при верстании новиков в службу в присяге превалировала «государственно-династическая часть» — «и на Московского царства... иного государя из иных государств и из русских родов никого не хотети» (Козляков, 1991: 221).

В случае ратных действий присяга как будто «приспосабливается» к реальности, не завывая планку боевых требований до небес. Реакция Алексея Михайловича в 1657 г. на известие о том, что псковский воевода разбит и попал в плен, лучше всего демонстрирует этот сдержанный подход к «битися до смерти». Царь писал: «У Матвея Шереметева был бой с немецкими людьми, и дворяне издрогали и побежали все;...а людей наших всяких чинов побито пятьдесят один человек, да ранено тридцать пять человек; и то благодарю Бога, что от трех тысяч столько побито, а то все целы, потому что побежали» (Собрание писем..., 1856: 54-55).

По всей стране к присяге приводили все население вместе, без различия сословий и профессионального статуса («разных чинов людей»), ритуал совершался в соборных церквях, осуществляли эту процедуру священники вместе с местной администрацией, и списки присягнувших фиксировались в специальных книгах (Воронин, Кодинцев, 2024). Поправки в текст присяги вносились

в виде добавлений («приписей») только для тех, кто реально был близок ко двору; и поправки эти были связаны с должностными обязанностями. Стольники клялись «никакого зелья и коренья в яства не подбрасывати», а конюшие – в гриву коням и в их упряжь никаких «лихих кореньев не класть и злого волшебства не чинить» (*Древняя российская вивлиофика, 1789: 60-67*). Таким образом, в присягах XVII в. превалировало государственное начало. Главное, что обещали подданные под угрозой кары небесной, – не соблазняться самозванцами, не делать лиха и повиноваться воле государя.

Впрочем, в этом столетии мы встречаем уже и образец чисто воинской присяги, однако к ней приводили не подданных. Уже при Михаиле Федоровиче начался процесс найма на военную службу иностранцев, при его сыне он продолжился, а при Петре I расцвел пышным цветом. До нас дошел образец присяги 1631 г., к которой было положено приводить этих нанятых за границей полковников, капитанов и сержантов (*СГГД, 1822: 328-329*). Они клялись отбивать обратно захваченные противником города (в российском варианте присяги, как помним, требование для служилых людей поскромнее – «не сдавать города»), мужественно сражаться «в боях, в приступах, в ратных промыслах» в любое время и в любом месте, «водяным и сухим путем», выполнять приказы начальников, всюду следовать за знаменем своей части. Наемники клялись служить «государю и всему российскому государству» так, чтобы можно было перед Богом, государем и «всеми добрыми людьми» ответ дать. В случае измены (сон в карауле, бегство с поля боя, грабеж подданных государя и т.п.) предусматривалось вполне земное наказание – «меня за то казнить смертной казнью по сей моей клятве». Здесь обращают на себя внимание несколько деталей. Это действительно чисто воинская присяга, ибо все обязательства клятвы четко конкретизированы. Касаются они поведения офицеров и солдат – в боях или в перерывах между боями. Эта присяга содержала требования, предъявляемые к военным профессионалам, которые не были связаны с государем узами подданства.

Данный текст явно несет отпечаток европейского военного права и военной этики XVI-XVII вв. Именно в это время основу вооруженных сил составляли профессиональные солдаты, уроженцы германских княжеств, швейцарцы, шотландцы, которые предлагали свои услуги любому, кто мог их оплатить и которые кочевали от одного правителя к другому. Закаленные в многочисленных боях, эти полки смело сражались, однако прочной связи ни с одним сувереном и ни с одним государством не чувствовали (*Александров, 2002; Avant, 2000; Miller, 2013; Swart, 2006*). Взаимоотношения, которые связывали их с королями, напоминали контрактно-договорные, и наемники стремились честно выполнять взятые на себя обязательства, в противном случае полк с подмоченной репутацией рисковал остаться без работы. Но обязательства эти выполнялись только в течение определенного срока и до тех пор, пока вторая сторона выполняла свою часть договора. Присягу ландскнехты приносили своим командирам, осуществлявшим набор, но значимые моральные обязательства связывали их и с братьями по оружию. Примечательно, что наряду с Богом и государем в тексте 1631 г. в качестве одного из адресатов появляются «все добрые люди». Наивно было бы полагать, что в этом проявлялась ответственность солдат перед «народом». Подобные формулировки отражают как раз мировоззрение ландскнехтов, которые в число «добрых людей» включали, прежде всего, представителей военной корпорации: «добросовестный честный военный люд» (“redliche ehrliche Kriegsleut”) (*Александров, 2002: 85-86*).

Необходимо подчеркнуть эту специфику воинской присяги. Среди ее адресатов наряду с Богом и командиром/государем с неизбежностью возникают братья по оружию. В отличие от государственной присяги для всех подданных, которая делала акцент на лояльности («лиха не делать»), воинская как раз требовала «делать лиха», но на поле брани и противнику. Она заставляла храбро сражаться и достигать победы, а в крайности – даже погибать. В одиночку идти на такое немисливо, солдату необходимо доверие со стороны тех, кто рядом с ним идет в бой. Именно поэтому во времена Петра перед текстом присяги появляется пояснение: «Сия присяга бывает генералитету в воинской консилиии, а штаб-, обер- и унтер-офицерам и солдатам при полку или роте, при распушенном знамени» (*Памятники..., 1961: 320*).

Некоторые пассажи присяги 1631 г. напрямую перекликаются с текстом воинской присяги петровского времени, которая появилась только в 1715 г. в «Артикуле воинском»: врагам «телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах, и штурмах, и в прочих воинских случаях... храброе и сильное чинить противление»; от своей роты и знамени никуда не отлучаться, но следовать за этим знаменем, пока жив, «непрерменно, добровольно и верно так, как мне приятна честь моя» (*Памятники..., 1961: 320-321*). Схожие формулировки присяги содержались и в более раннем документе петровского времени – «Уставе прежних лет» (*Мышлаевский, 1894: 1-2*). Объяснить эту схожесть можно единственным образом: тексты присяг и Михаила Федоровича, и Петра I складывались под влиянием европейских образцов, у них был некий «общий предок». Таким предком, вероятно, была присяга из воинских артикулов шведского короля Густава Адольфа (1620-е гг.). Во всяком случае, именно к такому выводу приходил глубокий исследователь военного права П.О. Бобровский (*Бобровский, 1882: 124-129*). Да и в служебной переписке генералы из Главного комитета по устройству и образованию войск в 1880-е гг. признавали: «Формула узаконенной со времени императора Петра I присяги, практикуемой у нас по настоящее время, ... заимствована нами из шведских законов» (*РГВИА. Ф. 868. Оп. 1. Д. 681. Л. 4-4об.*).

Шотландец Патрик Гордон был типичным образчиком наемного военного люда. Приехав на службу в Россию в 1661 г., он тоже проходил процедуру присяги: «Нас вызвали в приказ, дабы взять клятву верности царю. Приводить к присяге предстояло голландскому священнику, который держал речь первым. Когда он сказал, что мы должны поклясться служить Его Величеству верой и правдою по все дни нашей жизни [как мы понимаем, это означало на практике переход в подданство], я возразил и не стал продолжать, ссылаясь на условия моего договора. Сие не было дозволено, я же оставался непреклонен, и меня задержали в приказе, пока не нашли выход: я был вынужден поклясться, что буду служить, доколе продлится война с Польшей» (Гордон, 2003: 111). Этот поток «контрактников» на протяжении XVII в. все нарастал и достиг максимума в период Северной войны. В 1701 г. в полевой армии около трети офицеров составляли иноземцы и «новокрещены» (т. е. иностранцы, недавно принявшие православие) (Волков, 2003: 85).

В фондах РГВИА содержится коллекция документов XVII-XVIII в. о приеме иностранцев на русскую службу (РГВИА. Ф. 495. Оп. 1). Архивные документы свидетельствуют, что все они при приеме на службу давали присягу именно как военные профессионалы на иностранном языке (русским большинство не владело) и в присутствии своего священника. Эмиссары Петра I отправлялись в Европу с широчайшими полномочиями, снабженные деньгами и «плакатами» с изложением манифеста 1702 г. о призыве иностранцев на службу (ПСЗРИ-1. №1910). В Европе с кандидатами, готовыми ехать в Россию, они составляли «капитуляцию» — письменный договор об условиях, на которых этот военный будет служить в русской армии. В петровское время это слово, помимо привычного нам значения, как раз и означало договор об условиях службы (ПСЗРИ-1. №4765, 17526). Как писал сам Петр, «которых особ оный наш полковник в службу нашу призовет и капитуляцию о чине и жалованье его с ним сочинит, то все по тому от нас, великого государя, содержится» (Письма и бумаги..., 1948: 349). Помимо чина и размера жалованья, капитуляция могла содержать и дополнительные условия, например, после двух лет службы полковником — получение генеральского звания, после каждого года службы — возможность по своему желанию разорвать контракт или продолжить службу. Один иноземец требовал от военного ведомства: «При полку моем чтобы два места капитана, два поручика и два прапорщика для меня оставлены были, чтобы я мог по своему соизволению оные места офицерам раздавать» (РГВИА. Ф. 495. Оп. 1. Д. 100. Л. 5). Поразительно читать эти пункты капитуляций в архивных документах; хотя сами статьи обозначены цифирью, но за ними чувствуется уверенный торг в духе европейских наемников. В капитуляции Бранденбургского артиллерийского подполковника фон Стернфельдта за подписью генерала Лефорга (1697 г.) было прописано все: ежемесячное жалованье в 90 ефимков, выплата жалованья за полгода вперед, оплата дорожных расходов, предоставление в России удобного жилища, обеспечение «добрым толмачем», выделение 24-х лошадей и выдача на этих лошадях овса и сена, а после окончания оговоренного срока службы — свободное возвращение в Бранденбург (РГВИА. Ф. 495. Оп. 1. Д. 62). При этом все эти «контрактники» принимали в России присягу, и подписанные ими присяжные листы хранились в их личных делах. Без этого просто невозможно представить себе основания, почему государство могло бы испытывать к ним то самое доверие, которое составляет когнитивно-коммуникативную сущность всякой присяги. В списке чужестранцев, приехавших для поступления в военную службу, мы видим пометки: «По приговору военной коллегии велено послать его в Астраханский гарнизон, а в тот гарнизон не послан, что присяги он не дал и в коллегию не явился» (РГВИА. Ф. 495. Оп. 1. Д. 114. Л. 4). Самое позднее упоминание «капитуляции» в данном специфическом значении слова относится к 1807 г. (ПСЗРИ-1. №22491).

Первые корпоративные представления о присяге формируются достаточно быстро и у русских офицеров. В РГВИА сохранилось дело поручика Баландина, который в 1725 г. «не пожелал присягать Екатерине I» (РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1. Л. 419-453). Со своей ротой стоял он на «вечных квартирах» в Яренске, в глухом углу Устюжской провинции. В результате цепочки донесений (фискал, Яренский земский комиссар, Устюжский воевода) в Петербург полетела страшная весть: поручик, мол, говорил, что к присяге не пойдет и подписывать ее не будет. Сенат и Военная коллегия вступили в переписку, начался розыск. В своих показаниях Баландин заявил, что не пошел к присяге, потому что «оный комиссар ему, поручику, не командир..., а ожидал он указа от генерал-майора Федора Гавриловича Чекина». Получив этот указ, он поехал в Вологду и там «в соборной апостольской церкви с прочими офицерами у присяги был и под присягою подписался» (РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1. Л. 432). Когда выяснилось, что все так и было, поручика с миром отпустили. Да, в данном случае речь шла о государственной (не воинской) присяге, но офицер уже отвергает право «штатских» что-то ему диктовать, он желает принимать присягу со «своими», и власть относится к такому поведению с пониманием.

Итак, в течение петровского царствования действительно формируется институт воинской присяги в ее сакральных и институциональных формах. Текст, сфера обязательств, место присяги, адресаты, ритуал — все это становится специфически-воинским, обнимающим тех, кто включен в военную корпорацию. Язык и конфессиональная принадлежность отступают перед этим корпоративным духом на второй план. Недаром Военный устав Петра печатался на двух языках — русском и немецком. Присягу тоже можно было приносить на иностранном языке. В 1722 г.,

например, Гаврила Баскаков, командир Ингерманландского полка, рапортовал о получении отпечатанных немецкими литерерами устава и присяг (10 экз.), которые присланы были к нему для иноземцев (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Д. 80. Л. 4, 50-51). Впрочем, уже при Петре проявляются первые всполохи снижения сакрального смысла воинской присяги. Во-первых, в 1721 г. была введена законодательная норма, что присягу следует повторять при каждом получении чина, и лишь солдаты приносили ее при вступлении в службу однократно (ПСЗРИ-1. №3846). Трудно до конца понять смысл этого указа. Возможно, здесь прослеживается желание подчеркнуть иной круг ответственности и компетенции при получении следующего чина. Может быть, Петр надеялся, что при многократном повторении присяга будет крепче усвоена, но сакральность присяги как перформатива это, безусловно, размывало.

Кроме того, напряженная ситуация вокруг престолонаследия вновь, как после потрясений Смуты в XVII в., актуализировала для власти проблему общей лояльности подданных, а особенно лояльности военных. Именно поэтому так важны были для императора присяга наследнику престола царевичу Петру Петровичу (1718 г.), а после смерти наследника — присяга Уставу о престолонаследии (1722 г.), к которым в обязательном порядке приводились воинские части и генералитет (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 125. Л. 252; Ф. 140. Оп. 1; ПСЗРИ-1. №3893).

Последующие десятилетия демонстрируют нам, что в присягах лояльность государю/государству вновь выходит на первый план по отношению к армейско-воинской компоненте. В РГВИА сохранилось несколько дел с подшитыми клятвенными обещаниями за достаточно длительный промежуток времени: журнал Преображенского полка за 1741-1762 гг. и такой же журнал I-го кадетского корпуса — за 1735 гг. (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 3. Д. 268; Ф. 314. Оп. 1. Д. 1648). Они представляют собою присяжные листы с текстом присяги, датой и подписью того, кто приносит присягу. Иногда это одна подпись, иногда — несколько, а подчас (как в полку) — несколько десятков. Присяжных листов этих так много именно потому, что к присяге приводились все, вступившие в службу, все, получившие повышение в чине, вообще все при смене монарха. В деле кадетского корпуса сохранились присяги 64 человек: именно столько раз приводили здесь к присяге в течение года. Майор Де-Бодан рапортовал: «По присланному ко мне ордеру велено пожалованных поручика Ульриха в капитан-поручики, и подпоручика Аленина - в поручики в верности по указам привести к присяге» (РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1648. Л. 1). Обращает на себя внимание и цифра — 64 человека только в кадетском корпусе за год были приведены к присяге. Много это или мало? Количество штаб- и обер-офицеров, служивших в корпусе за период 1732-1760 гг., можно подсчитать: их было 189 человек (Именной список..., 1761: II-XXIII). Вряд ли в 1735 г. одновременно их было более 50 человек, скорее всего, меньше. Конечно, эта цифра не учитывает тех, кто служил в корпусе в унтер-офицерских чинах, но даже с учетом всех сержантов и фельдфебелей количество военных в корпусе не могло превышать 120-150 человек.

Получается, что за один год, в течение которого не случилось ни дворцового переворота, ни смерти монарха, процентов сорок от штата должны были пройти процедуру присяги. Если экстраполировать этот тренд, то нужно признать, что в среднем военный (не беря в расчет солдат) каждые 3-4 года приносил присягу заново. Неизбежным следствием такого порядка становилась рутинизация присяги, размывание ее сакрального смысла. Нельзя венчаться каждые три года, это уж не «союз, освященный Богом», а «ропись в сельсовете». Князь Иван Долгоруков вспоминал о том, как он в юности впервые принимал присягу на офицерский чин: «Я еще, по счастью мирной совести моей, не знал, что между людьми сия гражданская присяга не есть та свободная клятва пред Богом, которой нарушение подвергает нас анафеме общей и гневу небесному, а только условный обряд политический, которого никто уже не ценит, не боится и не уважает» (Долгоруков, 2004: 54).

Присяжные листы в архивном деле кадетского корпуса тоже преподносят нам ряд сюрпризов. Во-первых, все тексты присяг на них рукописные, типографски отпечатанных присяг еще нет. Во-вторых, нет и единого текста присяги. Половина присягнувших ставила свою подпись под текстом привычной петровской присяги, а остальные подписывались под присягой на верность подданства. Форма этой присяги была утверждена в 1730 г. при восторжении Анны Иоанновны на престол, и ее квинтэссенцией являлось обещание быть «верным, добрым и послушным рабом и подданным» (ПСЗРИ-1. №5509). Ни о каких «штурмах, осадах, баталиях и знаменах» здесь речь уже не шла, ведь изначально текст этой присяги предназначался для всех подданных империи. Необходимо отметить еще одно обстоятельство: текст от лица «послушного раба и подданного» встречается в двух редакциях — «краткой» и «пространной». Краткая присяга точно соответствует тому тексту, что указан в ПСЗРИ. А вот пространная редакция слово в слово повторяет текст присяги из Генерального регламента (1722 г.) (ПСЗРИ-1. №3534. Гл. 1). Именно здесь мы видим обязательство от лица «верного, доброго и послушного раба и подданного» доносить обо всем, что может нести «ущерб, вред и убыток интересам Его Величества», хранить государственную тайну и исполнять все инструкции, регламенты и указы, уже существующие, или те, что будут определены в будущем. Беда была в одном: Генеральный регламент прямо в заголовке сообщал, что этими правилами должны руководствоваться «в отправлении своего чина государственные коллегии, тако ж и все оных

принадлежащих к ним канцелярий и контор служители». Получалось, что поручик приравнивался к канцелярскому служителю.

Возникает трудный вопрос: как это офицеры в одном и том же корпусе, в одно и то же время принимают присягу, как Бог на душу положит? Кто вообще определял, по какому тексту присягать? Они сами? Или писарь в канцелярии доставал из «шкапчика» (где лежали разные образцы присяги) любой текст и переписывал его при надобности? Возникает сильнейший соблазн увидеть в этом феномене скрытую фронтонду. Может быть, природные русские помнили о временах Петра Алексеевича, о военной корпоративной чести и, пользуясь рыхлостью законодательства (ведь формально присягу Петра никто не отменял), подобным образом демонстрировали свое несогласие с новыми веяниями? А вот «проклятая немчура» психологически комфортно чувствовала себя под сенью Бирона? Действительно, около 80 % присягнувших в 1735 г. носили немецкие фамилии и подписывали присяги по-немецки, а у трех человек даже сам текст был на немецком языке (РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 1648. Л. 40-420б.). Однако документы неумолимы, они не позволяют притянуть такое «патриотическое» объяснение. Никакой русско-немецкой контроверзы и национальной закономерности в текстах присяг не прослеживается. Наравне с фурьером Иваном Дегтяревым и штабс-писарем Алексеем Патрикеевым подпоручики Филипп Мумм и Карл Фабер, секунд-лейтенант Фон-Бандемир и фельдфебель Пален по-петровски клянутся «телом и кровью храброе и сильное чинить противление». Впрочем, некоторую логику мы можем раскрыть, если сравнить имена присягавших с краткими биографическими сведениями о них, которые приводятся в книге П.Ф. Лузанова (Лузанов, 1907: 170-188). Автор указывает, кто из служащих и учителей был выписан из-за границы и служил по капитуляции. В этом случае мы можем с уверенностью предполагать, что он являлся иностранным подданным. С учетом этих сведений представляется возможным выстроить логику в выборе текста присяги.

1. Военный российский подданный (неважно, русский или немец) – присяга Петра I.

2. Иностраный подданный (неважно, военный или штатский) – присяга Анны Иоанновны в краткой или в пространной редакции (т. е. в варианте Генерального регламента).

3. Штатский (неважно, российский или иностранный подданный: танцмейстер или учитель французского) – присяга Анны Иоанновны, опять-таки в краткой или в пространной редакции.

Как бы там ни было, мы можем констатировать одно: начали действовать какие-то факторы, которые способствовали «забыванию» петровской присяги и вытеснению ее на периферию армейской ментальности.

Это подтверждается материалами другого архивного дела, в котором отложились присяжные листы Преображенского полка (почти двести листов) за 1741–1762 гг. (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 3. Д. 268). Здесь уже нет ни одного случая присяги по тексту петровского времени. Присягу Петра I «забыли», что кажется, на первый взгляд, очень странным, ведь Елизавета позиционировала себя именно как «дочь Петра» и на этом выстраивала политический нарратив своего царствования. В этом деле все присяжные листы уже представляют собой типографски отпечатанный текст. Ниже текста клятвенного обещания идут подписи присягавших, продолжаясь и на обороте. В полку людей было достаточно много, поэтому подписи растягивались на несколько присяжных листов. Самые ранние присяжные листы датированы ноябрем 1741 г. (причем «ноября ____ дня» отпечатано типографским способом). Учитывая, что государственный переворот произошел 25 ноября, понятно, в какой спешке шла печать этих листов, и в какой суматохе происходило приведение к присяге. Очевидно, этим объясняется отсутствие строгого порядка в иерархии подписей. Под самым текстом могли идти подписи какого-нибудь извозчика или гобойского ученика, а гораздо ниже – подписи прапорщиков и поручиков. Более того, иногда среди преображенцев мелькает подпись какого-нибудь солдата Измайловского или Семеновского полка (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 3. Д. 268. Л. 6-8). В спокойной обстановке подписи выстраивались в порядке военной иерархии: от полковника – через майора и поручиков – к капралам и солдатам (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 3. Д. 268. Л. 158-160об.).

При Елизавете отпечатанный текст во всех случаях предстает только в двух вариантах: кратком и пространном. Краткий текст дословно совпадает с присягой 1730 г. Анне Иоанновне. Пространная версия была утверждена в 1743 г. как «присяга на верность службы», и она точно повторяла текст из Генерального регламента (ПСЗРИ-1. №8780). Таким образом, по части воинской присяги тенденции, намечившиеся в 1730-е гг., только усилились и укрепились при Елизавете Петровне.

Резкий перелом в этом тренде произошел в 1762 г. В феврале этого года Петр III подписал указ, чтобы «все, находящиеся на воинской службе», как офицеры, так и солдаты, присягу чинили «так, как при жизни государя императора Петра Великого было» (ПСЗРИ-1. 11452). После переворота и прихода к власти Екатерины II в ее манифесте о восшествии на престол от 28 июня 1762 г. содержался и текст клятвенного обещания для верноподданных (ПСЗРИ-1. 11582). Спустя несколько дней указом императрицы была утверждена «Генеральная присяга на чины», т. е. присяга для всех штатских чиновников (ПСЗРИ-1. 11601). Обе эти присяги совпадают дословно, повторяя петровский текст из Генерального регламента. Формулировка про «доброе и верное раба и подданного» там традиционно присутствует. Но преобразенцы в эти летние дни присягали по-другому. Если исключить титулатуру императрицы и наследника, то эта присяга поражает своим лаконизмом и

экспрессивностью: «Верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови» (РГВИА. Ф. 2583. Оп. 3. Д. 268. Л. 191-195).

Именно с екатерининского времени российская армия возвращается к каноническому тексту присяги «Воинских артикулов». Возникает вопрос: почему Екатерина не потребовала от гвардейцев присягать так же, как присягали коллежские регистраторы и статские советники? И почему она не отменила указ свергнутого мужа? Думается, как тонкий политик, она ощущала скрытое недовольство военных тем, что их ставят на одну доску с гражданскими чиновниками. Петровская присяга требовала воинской доблести, а «Генеральный регламент» ждал только лояльности и честного выполнения должностных обязанностей. Образцы воинской присяги екатерининского времени настолько четко следовали Воинскому уставу Петра, что даже учитывали его пометку: «Понеже сия присяга вообще всякому чину положена, того ради надлежит тому, кто к присяге приводит, выписывать, которому чину что принадлежит, а унтер-офицерам и солдатам все» (Памятники..., 1961: 321). Листы с образцами присяг при Екатерине так и были подписаны: присяга на чин прапорщика, подпоручика, поручика и капитана; подполковника, премьер- и секунд-майора; унтер-офицеров и солдат; полковника. Впрочем, единственная разница заключалась в одном абзаце. Нижние чины и обер-офицеры клялись «от роты и знамя, где надлежу...никогда не отлучаться», штаб-офицеры – «от полку команды, где надлежу...», а полковник – «от поверенному мне от Ее Величества полку команды... никогда не отлучаться» (РГВИА. Ф. 826. Оп. 2. Д. 1249. Л. 83-89). Но все одинаково обещали «так поступать, как честному, верному и храброму солдату надлежит».

Рыцарские увлечения Павла I еще больше усиливали корпоративный дух воинской присяги. Принятие ее стало приобретать черты торжественного и сакрального ритуала, присягу принимали под распущенными знаменами, при построении полка, присягавший должен был одну руку держать распостертой вверх, а другой – держаться за знамя (ПСЗРИ-1. №17942). Такой сценарий, несомненно, усиливал персонифицированный характер присяги. Раньше индивидуальной была подпись в присяжном листе, а теперь каждый, произнося слова присяги, лично держался за боевое знамя. Невозможно представить себе, чтобы для ускорения процедуры сразу десять солдат вцепились в одно знамя.

5. Заключение

Подводя итоги, следует указать те обстоятельства, которые оказывали влияние на эволюцию текста и смысла военной присяги в XVIII столетии. Думается, здесь сыграли роль два фактора. Во-первых, это общая неустойчивость династии и политические пертурбации эпохи дворцовых переворотов. Слишком часто легитимность власти оказывалась под вопросом, подвергалась испытанию и проверке на прочность. Многократно в эти десятилетия возникал вопрос: кого считать законной властью? Кому следует присягать, а потом переприсягать, а потом – уничтожить уже подписанные присяги? Что делать с уклоняющимися от присяги? В этих условиях гораздо важнее было обеспечить лояльность военных именно как подданных по отношению к текущей власти. Такой подход, впрочем, с неизбежностью размывал сакральность присяги как нерушимой клятвы и подтачивал специфику воинской присяги, фундаментальные основания которой были заложены при Петре.

Второй фактор, который в значительной степени способствовал возвращению в армию петровской присяги в период правления Екатерины II, был связан с изменением положения иностранцев в русской армии. Когда при Петре и его предшественниках приток иностранных офицеров нарастал, то основная их часть воспринимала службу как контракт. Их требовалось «привязать» к этой службе дополнительными обязательствами, которые как раз и формулировались в присяге. Поначалу это была присяга именно военного специалиста, которая обязывала его сражаться «в боях, штурмах и всяких военных промыслах». Однако «капитуляции» с их характером контракта и договора о найме постепенно уходили в прошлое. В течение нескольких десятилетий после Петра мы видим целенаправленные усилия власти, направленные на «обрусение» армии: от требований научиться писать по-русски до права на пенсию при отставке в случае перехода в российское подданство. Впрочем, обрусение это было имперским по духу. Военные могли быть немцами или французами по родному языку, лютеранами или католиками – по вероисповеданию, но переходом в подданство они привязывали себя к российской империи гораздо теснее, нежели любые пункты «капитуляции». Особая присяга для чужестранца становилась излишней, ибо все подданные и так при смене монарха на престоле присягали ему на верность. А вот «вспомнить» об особой военной присяге, осененной славой Петра Великого, казалось необходимым. В глазах самих военных это усиливало чувство корпоративной общности, ибо проводило грань между армией и сонмом штатских чиновников. А при активизации внешней политики воспитание военно-корпоративного духа становилось необходимым и приоритетным, ведь именно петровская присяга говорила о «боях, штурмах и всяких военных промыслах».

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00325 «Российская армия XVIII – начала XX вв. как социокультурный феномен», <https://rscf.ru/project/23-28-00325>

Литература

- Александров, 2002** – Александров С.Е. Немецкий наемник XV – середины XVII вв.: грани ментальности // *Военно-историческая антропология*. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С.83-112.
- Бенда, 2009** – Бенда В.Н. «Присяга на верность...» как одно из средств формирования традиций русской армии и патриотизма в России XVIII в. // *Вестник Челябинского государственного университета*. История. 2009. № 12. С.56-62.
- Бобровский, 1882** – Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом. Ч.II. Вып. 1. СПб., 1882. 397 с.
- Волков, 2003** – Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. 414 с.
- Воронин, Кодинцев, 2024** – Воронин И.К., Кодинцев А.Я. Царь и его подданные: регистрация статуса личности в царской России в координатах «личность–государство». Хабаровск, 2024. 151 с.
- Гагкуев, Шилова, 2016** – Гагкуев Р. Г., Шилова С. Г. «Клянусь Всемогущим Богом...» Присяги гражданской войны // *Новейшая история России*. 2016. № 1 (15). С. 257–274.
- Гордон, 2003** – Гордон П. Дневник 1659-1887. /Под ред. Д.Г. Федосова. М., 2003. 315 с.
- Долгоруков, 2004** – Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. Т. 1. СПб, 2004. 816 с.
- Древняя российская вивлиофика, 1789** – Древняя российская вивлиофика. Ч. 8. М.,1789. 475 с.
- Именной список..., 1761** – Именной список всем бывшим и ныне находящимся в сухопутном шляхетном кадетском корпусе штаб-ober-офицерам и кадетам. СПб., 1761. 274 с.
- Козляков, 1991** – Козляков В.Н. Источники о новичном верстании в первой половине XVII века // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода*. М. АН СССР. 1991. С. 89-104.
- Кормина, 2004** – Кормина Ж.В. Воинская присяга: К истории одного перформатива. // *Неприкосновенный запас*. 2004. №1. С. 97-104.
- Королева, 2020** – Королева М.В. Процедура государственной присяги в России XVII в.// *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2020. №4. С.73-82.
- Лузанов, 1907** – Лузанов П.Ф. Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Исторический очерк. Период графа Миниха (С 1732 по 1741). СПб., 1907. 188 с.
- Мышлаевский, 1894** – Мышлаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции, изданные до 1715 г. СПб., 1894. 122 с.
- Остин, 1986** – Остин Дж. Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVII. М., 1986. С. 22-129.
- Памятники..., 1961** – Памятники русского права. Вып.8. М., 1961. 667 с.
- Письма и бумаги...,1948** – Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 4. СПб., 1900. 519 с
- ПСЗРИ I** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Савченко, 2013** – Савченко Д. А. «Государю хотети добра во всем»: присяга подданных московскому царю (начало XVII в.) // *Актуальные проблемы российского права*. 2013. № 8. С. 940-946.
- СГГД, 1822** – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в коллегии иностранных дел. Ч.3. М., 1822. 540 с.
- Собрание писем..., 1856** – Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856. 248 с.
- Три чина, 1654** – Три чина присяги. М.: Печатный двор, 1654. С. 16 (ŠI). (экземпляр Музея книги РГБ).
- Чесноков, 2019** – Чесноков И.И. Военная присяга: Историко-культурная динамика формы объективации // *Филологические науки*. 2019. №3. С.45-52;
- Avant, 2000** – Avant D. From Mercenary to Citizen Armies: Explaining Change in the Practice of War//*International Organization*. Winter, 2000. Vol. 54. No. 1, Pp. 41-72
- Miller, 2013** – Miller J. The Scottish mercenary as a migrant labourer in Europe, 1550-1650 // *Fighting for a Living. A Comparative History of Military Labour 1500-2000*. / Ed. Erik-Jan Zürcher. Amsterdam University Press, Amsterdam 2013. Pp. 169-200;
- Prodi, 1992** – Prodi P. Il sacramento del potere. Il giuramento politico della storia costituzionale dell'Occidente. Bologna, 1992. 602 p. [in Italian]
- Swart, 2006** – Swart E. From "Landsknecht" to "Soldier": The Low German Foot Soldiers of the Low Countries in the Second Half of the Sixteenth Century // *International Review of Social History*. Vol. 51. No. 1 (April 2006). Pp. 75-92.

References

- Aleksandrov, 2002** – Aleksandrov, S.E. (2002). Nemetskii naemnik XV – serediny XVII vv.: grani mental'nosti [German mercenary of the 15th – mid-17th centuries: facets of mentality]. *Voенно-istoricheskaya antropologiya*. Ezhegodnik. Predmet, zadachi, perspektivy razvitiya. M. Pp. 83-112. [in Russian]

- Avant, 2000** – *Avant, D.* (2000). From Mercenary to Citizen Armies: Explaining Change in the Practice of War. *International Organization*. Winter. 54(1): 41-72.
- Benda, 2009** – *Benda, V.N.* (2009). «Prisyaga na vernost'...» kak odno iz sredstv formirovaniya traditsii russkoi armii i patriotizma v Rossii XVIII v. [“The Oath of Allegiance” as one of the means of forming the traditions of the Russian army and patriotism in Russia in the 18th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 12: 56-62. [in Russian]
- Bobrovskii, 1882** – *Bobrovskii, P.O.* (1882). Voennoe pravo v Rossii pri Petre Velikom [Military law in Russia under Peter the Great]. Ch.II. Vyp. 1. SPb., 397 p. [in Russian]
- Chesnokov, 2019** – *Chesnokov, I.I.* (2019). Voennaya prislyaga: Istoriko-kul'turnaya dinamika formy ob'ektivatsii [Military oath: Historical and cultural dynamics of the objectification form]. *Filologicheskie nauki*. 3: 45-52. [in Russian]
- Dolgorukov, 2004** – *Dolgorukov, I.M.* (2004). Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsei zhizni [The story of my birth, origin and whole life]. T.1. SPb., 816 p. [in Russian]
- Drevnyaya vivliofika, 1789** – *Drevnyaya rossiiskaya vivliofika* [Ancient Russian Atheneum]. Ch. 8. M., 1789. 475 p. [in Russian]
- Gagkuev, Shilova, 2016** – *Gagkuev, R. G., Shilova, S.G.* (2016). «Klyanus' Vsemogushchim Bogom...» Prisyagi grazhdanskoi voyny [“I swear by Almighty God...” Civil War Oaths]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 1(15): 257-274. [in Russian]
- Gordon, 2003** – *Gordon, P.* (2003). Dnevnik 1659-1887 [Diary 1659-1887]. Pod red. D.G. Fedosova. M., 315 p. [in Russian]
- Imennoi spisok..., 1761** – Imennoi spisok vsem byvshim i nyne nakhodyashchimsya v sukhoputnom shlyakhetnom kadetskom korpuse shtab-ober-ofitseram i kadetam [A list of names of all former and current staff officers and cadets in the land noble cadet corps]. SPb., 1761. 274 p. [in Russian]
- Kormina, 2004** – *Kormina, Zh.V.* (2004). Voinskaya prislyaga: K istorii odnogo performative [Military Oath: On the History of One Performative]. *Neprikosnovennyi zapas*. 1: 97-104. [in Russian]
- Koroleva, 2020** – *Koroleva, M.V.* (2020). Protседura gosudarstvennoi prislyagi v Rossii XVII v. [The procedure of the state oath in Russia in the 17th century]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 4: 73-82. [in Russian]
- Kozlyakov, 1991** – *Kozlyakov, V.N.* (1991). Istochniki o novichnom verstanii v pervoi polovine XVII veka [Sources about the rookie recruitment in the first half of the 17th century]. Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR dooktyabr'skogo perioda. M. Pp. 89-104. [in Russian]
- Luzanov, 1907** – *Luzanov, P.F.* (1907). Sukhoputnyi shlyakhetnyi kadetskii korpus. Istoricheskie ocherk. Period grafa Minikha (S 1732 po 1741) [Noble Cadet Corps. Historical Essay. The Period of Count Minich (From 1732 to 1741)]. SPb. [in Russian]
- Miller, 2013** – *Miller, J.* (2013). The Scottish mercenary as a migrant labourer in Europe, 1550-1650. Fighting for a Living. A Comparative History of Military Labour 1500-2000. Ed. Erik-Jan Zürcher. Amsterdam University Press, Amsterdam. Pp. 169-200.
- Myshlaevskii, 1894** – *Myshlaevskii, A.Z.* (1894). Petr Velikii. Voennye zakony i instruksii, izdannye do 1715 g. [Peter the Great. Military laws and instructions issued before 1715] SPb., 122 p. [in Russian]
- Ostin, 1986** – *Ostin, D.* (1986). Slovo kak deistvie [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. XVII. M. Pp. 22-129. [in Russian]
- Pamyatniki..., 1961** – Pamyatniki russkogo prava [Statutes of Russian law]. Vyp.8. M., 1961. 667 p. [in Russian]
- Pis'ma i bumagi, 1948** – Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. T. 4. SPb., 1900. 406 p. [in Russian]
- Prodi, 1992** – *Prodi, P.* (1992). Il sacramento del potere. Il giuramento politico della storia costituzionale dell'Occidente [The mystery of power. A Political Oath in the Constitutional History of the West]. Bologna, 602 p. [in Italian]
- PSZRI I** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 1-e. SPb., 1830. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military-Historical Archive].
- Savchenko, 2013** – *Savchenko, D.A.* (2013). «Gosudaryu khoteti dobra vo vsem»: prislyaga poddannyykh moskovskomu tsaryu (nachalo XVII v.) [“To wish the sovereign all the best”: the oath of subjects to the Moscow tsar (early XVII century)] *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 8: 940-946. [in Russian]
- SGGD, 1822** – Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khraryashchikhsya v kollegii inostrannykh del [Collection of state charters and contracts kept in the College of Foreign Affairs]. Ch.3. M., 1822. 540 p. [in Russian]
- Sobranie pisem..., 1856** – Sobranie pisem tsarya Alekseya Mikhailovicha [Collection of letters of Tsar Alexei Mikhailovich]. M., 1856. 248 p. [in Russian]

Swart, 2006 – Swart, E. (2006). From "Landsknecht" to "Soldier": The Low German Foot Soldiers of the Low Countries in the Second Half of the Sixteenth Century. *International Review of Social History*. 51(1): 75-92.

Tri china, 1654 – Tri china prisvyagi [Three ranks of the oath]. M.: Pechatnyi dvor, 1654. S. 16 (ŠI). (ekzempliar Muzeya knigi RGB). [in Russian]

Volkov, 2003 – Volkov, S.V. (2003). Russkii ofiterskii korpus [Russian officer corps]. M., 414 p. [in Russian]

Voronin, Kodintsev, 2024 – Voronin, I.K., Kodintsev, A.Ya. (2024). Tsar' i ego poddannye: registratsiya statusa lichnosti v tsarskoi Rossii v koordinatakh «lichnost'–gosudarstvo» [The Tsar and His Subjects: Definition of the Status of an Individual in Tsarist Russia in the Coordinates "Individual–State"]. Khabarovsk, 151 p. [in Russian]

Эволюция военной присяги в России в XVIII в.

Татьяна Андреевна Володина ^{a, *}

^a Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется изменение текстуального содержания воинской присяги в России в XVIII в., а также эволюция смыслов, практик и ритуалов принятия этой присяги. Уделено также значительное внимание выявлению факторов, влиявших на военную присягу в допетровское время. Главными источниками для исследования служат нормативно-правовые акты, определявшие текст и процедуру принятия присяги, а также архивные документы, отражающие реалии феномена присяги в жизни армии. Автор прослеживает влияние на оформление института воинской присяги «фактора ландскнехтов» – принятых на военную службу иностранцев, нанимавшихся по «капитуляциям». В статье подчеркивается, что институционализация и упрочение корпоративного характера воинской присяги при Петре I были продиктованы реалиями регулярной армии, ведущей активные боевые действия. Автор приходит к выводу, что зигзаги в эволюции воинской присяги на протяжении XVIII в. были обусловлены двумя факторами: во-первых, политическими пертурбациями эпохи дворцовых переворотов, а во-вторых – общим «обрусением» армии, которое носило имперский характер и приводило к изменению положения иностранцев в русской армии.

Ключевые слова: российская армия, государственная присяга, воинская присяга, военная корпорация.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: volodina.tatiana2016@yandex.ru (Т.А. Володина)